

КРИЗИС И ПРОБЛЕМА ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

© 2010 г. А.П. Портанский*

Институт торговой политики ГУ-ВШЭ, Москва

Мировой экономической кризис сделал неизбежной постановку вопроса о создании системы глобального управления, которая могла бы избавить мировое сообщество от масштабных финансово-экономических потрясений в будущем. Состоявшиеся в 2008–2009 гг. встречи стран «двадцатки» на высшем уровне породили надежду на формирование столь необходимого для решения данного вопроса политического лидерства. Намечающиеся контуры системы глобального управления пока представляются в виде треугольника, сторонами которого являются ООН, Группа двадцати и важнейшие международные институты, такие как ВТО, МВФ, Всемирный банк.

Ключевые слова: *глобализация, глобальное управление, «двадцатка», «восьмёрка», ООН, МВФ, Великая депрессия, Всемирный банк, Питтсбург, США, Китай, Евросоюз, ВТО, ГАТТ, Вашингтонский консенсус, Уругвайский раунд, Дохийский раунд, протекционизм.*

Crisis and Problem of Global Governance

A.P. Portansky

Institute of Trade Policy Higher School of Economics, Moscow

Economic crisis in globalized world made inevitable forging of a system of governance which would prevent the international community from large scale upheavals in future. The 2008–2009 summits of G–20 gave hope of a possibility to form a global political leadership. So far the system of international governance is being mapped up and appears in the form of a triangle with UN, G–20 and the most influential international institutions (WTO, IMF, MB) as its three facets.

Key words: *globalization, global governance, G–20, G–8, UN, IMF, Great depression, World bank, Pittsburgh, USA, China, EU, Russia, WTO, GATT, Washington consensus, Uruguay round, Doha round, protectionism.*

У нынешнего мирового финансово-экономического кризиса уже существует своя солидная аналитика: множество публикаций, семинаров, конференций, посвящённых так или иначе поиску и анализу причин, которые привели к столь масштабному падению рынков. Единого мнения относительно причин кризиса, как известно, нет, без чего затруднительно определять стратегию выхода из него. Тем не менее, предпринимаются попытки осмыслить последующие шаги, которые избавили бы государства от внезапного возникновения нового кризиса в будущем или, по крайней мере, позволили бы смягчить его воздействие на экономику.

* ПОРТАНСКИЙ Алексей Павлович – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института торговой политики ГУ-ВШЭ; доцент кафедры экономики и государственного регулирования рыночного хозяйства Российской академии госслужбы при президенте РФ. E-mail: portanskiy@gmail.com.

Конкретное проявление этих попыток – идеи и дискуссии о создании системы глобального управления, заметно активизировавшиеся и ставшие гораздо более предметными в последнее время по сравнению с докризисными временами.

В предлагаемой статье автор пытается оценить саму возможность построения данной системы и одновременно определить её контуры.

Страхи деглобализации

Когда мировое сообщество почувствовало, что нынешний кризис по своим масштабам и глубине может превзойти «Великую депрессию» 80-летней давности, правительства многих стран, страшась дальнейшего спада производства, новых банкротств и роста безработицы, стали предпринимать меры, порой противоречащие базовым рыночным принципам. Так, в результате массовой национализации – открытой или скрытой – антикризисная политика обернулась усилением госсектора, хотя ни в одной нормальной рыночной экономике госсобственность не считается институтом, обеспечивающим экономическую эффективность.

В условиях глобализации кризис быстро распространился по всему миру. Отсутствие возможности удержания национальных экономик от падения породило своеобразную «защитную реакцию» в виде тенденций к деглобализации. Деглобализация, по словам премьер-министра Великобритании Г. Брауна, ускоряется от политических решений на национальном уровне, а также различных форм национального протекционизма. Практически одновременно с подобным предупреждением выступил и один из патриархов мировой политики Генри Киссинджер: «Глобальное управление в сфере финансов существует, но в политике по-прежнему тон задают национальные государства. Поэтому или будут созданы политические наднациональные органы, с полномочиями для решения подобных кризисов, или же мир откатится к регионализму и меркантилизму XIX века» [9].

О вероятности тенденции к делиберализации (т.е. большего государственного регулирования) и деглобализации упомянул в своём выступлении на Петербургском экономическом форуме в июне 2009 г. президент банка ВТБ Андрей Костин.

У деглобализации появились и свои идеологи, как например, филиппинский экономист У. Беллоу, опубликовавший книгу «Деглобализация. Идеи для новой мировой экономики» [2]. Процессы глобализации, убеждён он, усиливают социальную напряжённость, деформируют национальные экономики и порождают новые противоречия. Поэтому неолиберальная глобализация должна быть заменена деглобализацией, полагает он.

Однако аргументация сторонников У. Беллоу вряд ли совместима с сегодняшними мировыми реалиями. Достаточно привести один из их главных тезисов: «Производство для внутреннего рынка (а не производство экспортной продукции) должно вновь стать главной составляющей экономической жизни». Получается, что надо просто свернуть мировую торговлю, которая, между прочим, всю вторую половину XX столетия являлась мощным стимулом для развития экономик многих стран [3].

Дело в том, что в последние десятилетия в международных экономических отношениях утверждается принцип движения к экономике «с положительной суммой» (*win-win game*), что кардинально меняет ситуацию в мире. Существовавшие прежде экономические отношения по принципу игры «с нулевой суммой» основывались на захвате и разграблении чужих территорий. То есть почти единственным способом повысить благосостояние одной нации было ограбление другой. В истории хорошо известны примеры, когда некоторые государства превращали захват и грабеж в жизненную стратегию: так действовала, например, Римская империя. Аналогичным образом вели себя и государства, осуществлявшие колониальные захваты в XVI–XVIII веках. А когда территорий для колонизации не осталось, обогащение одних социальных групп осуществлялось за счёт соразмерных или даже больших потерь других групп.

Экономика, опирающаяся на принцип игры «с положительной суммой», не может не изменить характер конфликтов. В такой экономике внутреннее развитие и внешняя торговля дают гораздо больше возможностей к обогащению, чем внешние захваты. Разумеется, торговля и прежде помогала государствам зарабатывать, однако во времена Адама Смита возможности для этого были гораздо скромнее нынешних. Характерно, что большая часть конфликтов в последнее время — это гражданские войны в бедных странах, не сумевших создать у себя экономику, отвечающую принципу игры «с положительной суммой».

Глобализация в условиях мирного развития принесла значительные блага жителям многих стран. Например, государства Юго-Восточной Азии (ЮВА) во многом обязаны своим успехом именно глобализации, благодаря которой они получили расширенный доступ к новым технологиям и возросшие возможности для торговли. Это, в свою очередь, позволило осуществить улучшения в здравоохранении, а также содействовало расширению демократии и социальной справедливости.

Таким образом, проблема, которая стала казаться особенно острой в период кризиса, заключается, скорее всего, не в глобализации как таковой, а в том, как она осуществляется.

Глобальные институты: от прошлого к настоящему

Попытки регулирования межстрановых хозяйственных вопросов на многосторонней основе предпринимались уже на ранних стадиях развития мирового рынка. Объективной предпосылкой этому была потребность в общих правилах в области международной торговли, транспорта, связи, охраны авторских прав и т.д. В XIII–XVII веках в Северной Европе для защиты торговли и купечества от власти феодалов и от пиратства был создан Ганзейский союз немецких свободных городов. В XIX был сформирован Германский таможенный союз, сыгравший важную роль в образовании объединенного Германского государства. Одной из первых межправительственных организаций в её классическом понимании была Центральная комиссия по судоходству на Рейне, или Рейнская комиссия, образованная в 1831 г. Межгосударственные многосторонние соглашения со временем приобретали организационные и правовые формы и охватывали всё большее число государств.

Современные мировые институты, имеющие отношение к глобальному управлению, зародились в 40-х годах прошлого столетия. После Второй мировой войны, согласно замыслу держав-победительниц, послевоенная организация мира в политической области должна была опираться на Организацию Объединенных Наций (ООН), а в экономической – на три специализированных учреждения: Всемирный банк (ВБ), Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Международный валютный фонд (МВФ) и Международную организацию по торговле и занятости (МТО). Многие из принципов так называемой «недискриминации» и «рыночной эффективности», которые нашли отражение в соглашениях о создании этих организаций, проистекали из положений Атлантической хартии, подписанной США и Великобританией в августе 1941 г. Три названных института были призваны создать прочную базу многостороннего механизма регулирования мировой экономики. Первые два института действительно были созданы в результате Бреттон-Вудской конференции 1944 г. Проект МТО постигла неудача, вместо неё появилось временное Генеральное соглашение по тарифам и торговле, ГАТТ – прообраз ВТО.

Ещё до окончания войны стало понятно, что в послевоенный период безусловным экономическим лидером в мире станут США. Поэтому на конференции в Бреттон-Вудсе господствующими были идеи, имевшие распространение в Соединённых Штатах и Великобритании. Они вкратце сводились к следующему.

Для большинства англоязычных политиков и экономистов «Великая депрессия» 30-х годов XX века являлась одной из главных причин Второй мировой войны. Экономический спад, безработица и падение покупательной способности населения благоприятствовали росту национализма и выходу на арену в Европе авторитарных режимов. В условиях падения рынков в 1930-е годы некоторые страны предприняли попытки поддержать уровень своего национального дохода путём конкурирующих девальваций, ограничений международной торговли и конвертируемости валют. Международные валютные потрясения, торговый протекционизм и тенденции к авторитаризму сыграли определяющую роль в распространении, углублении и продолжительности кризиса. Это стало определённым историческим уроком. Вот почему для обеспечения экономической безопасности и стабильности в мире и во избежание риска новых потрясений мировой экономики после окончания войны в Вашингтоне и Лондоне считали чрезвычайно важным, чтобы было свободное движение товаров и капиталов.

Традиционная довоенная модель регулирования международных экономических общественных отношений опиралась главным образом на двусторонний формат взаимодействия. Переход к новой модели, основанной на принципе многосторонности, начался сразу после окончания Второй мировой войны. Постепенно образовалась сеть автономных по отношению к государствам и правительствам международных организаций и интеграционных группировок, которым была делегирована часть полномочий по управлению отдельными сторонами экономической и политической жизни.

Следует особо остановиться на европейской интеграции после Второй мировой войны. От декларации Р. Шумана 1950 г. до подписания Лиссабонского договора 2007 г., от шести участников Европейского Сообщества в 50-х годах XX века до 27 членов ЕС сегодня (и это не предел) Объединённая Европа про-

делала впечатляющий исторический путь. Впервые были преодолены вековые антагонизмы, порождавшие периодические войны, произошёл мирный слом барьеров между странами. Впервые государства добровольно отказались от части своего национального суверенитета, делегировав его на наднациональный уровень. Со вступлением в силу Лиссабонского договора объём этих наднациональных полномочий существенно расширится. Этот уникальный исторический опыт Европы не должен, по мнению автора, остаться достоянием лишь её самой. Сегодня, когда мировое сообщество всерьёз обратилось к проблеме глобального управления, не воспользоваться уже имеющимся, причём успешным опытом, было бы непростительно. Для мирового сообщества, охваченного кризисом, Евросоюз представляет собой «готовую лабораторию», где могут исследоваться и тестироваться формы и методы международного управления.

Нигде более в мире до сегодняшнего дня не удалось даже приблизиться к тому уровню интеграции, которого достиг Евросоюз. Тем не менее интенсивность и масштаб процесса перемещения полномочий на межгосударственный уровень постоянно нарастали: с середины XX века до начала XXI возникло порядка трёх тысяч межправительственных организаций, регулирующих различные сферы экономики, политики, культуры, экологии. В дополнение к ним появилось множество разнообразных неправительственных международных организаций.

Созданные после войны экономические институты были призваны содействовать росту и стабильности путём постепенной либерализации экономической деятельности. Всемирный банк отвечал за финансирование восстановления разрушенных войной экономик и за развитие стран, испытывающих нехватку капитала, и в дальнейшем – за экономический рост в развивающихся странах и сокращение нищеты. Задачей МВФ стало оказание помощи государствам при дефиците платёжного баланса путём предоставления кредитов в иностранной валюте и содействие развитию мировой торговли. ГАТТ в течение нескольких десятилетий способствовало расширению торговли товарами путём устранения торговых барьеров и преобразовалось затем в полноценную международную организацию – ВТО.

Опуская многие недостатки в деятельности упомянутых институтов, можно, тем не менее, сказать, что они в течение нескольких десятилетий в основном справлялись с поставленными задачами.

Глобализация постепенно полностью изменила прежнюю ситуацию: «логика 1945 г.» оказалась устаревшей. Речь не идёт о том, хороша или плоха глобализация, принципиальное изменение, которое она внесла, состоит в том, что теперь во многих случаях политическая власть государств более не соответствует географии рынков и систем производственных связей. Полновластными игроками на мировых рынках стали ТНК, которые и определяют их географию.

Наконец, в разгар глобализации произошло эпохальное событие – падение Берлинской стены, ставшее символом окончания «холодной войны». В течение ничтожно малого исторического периода изменилась не только политическая карта мира, но и экономическая. Возник новый мировой экономический порядок: исчезли государства с централизованной экономической системой, вследствие чего рыночная экономика стала абсолютно доминирующей в мире.

Элементарная политическая логика подсказывает: столь грандиозные перемены в мире должны были в принципе повлечь за собой адекватное переосмысление и изменение важнейших международных институтов, в том числе финансово-экономических. Однако ничего подобного после 1989 г. не случилось – не состоялись ни новая Бреттон-Вудская, ни новая Сан-Францисская конференции (на которой был в 1945 г. выработан Устав ООН). Просуществовавшие более четырёх десятилетий послевоенные структуры не были приведены в соответствие с новым мировым порядком, возникшим после падения Берлинской стены. Именно в этом, как полагает генеральный директор ВТО П. Лами, следует искать корни сегодняшних проблем [10]. Возможно, после 1989 г. и особенно после 1991 г., когда распался СССР, в мире было слишком много эйфории, слишком много радужных надежд на беспроблемное «светлое будущее». Возможно, многих сбил с толку Ф. Фукуяма с его предсказанием конца истории. Но кризис скорректировал прежние представления. Критики либеральной демократии и либеральной экономики вновь оживились. Мировая история продолжается, и в ней вполне хватает драматизма.

Разразившийся в 2008 г. мировой кризис стал шоком для многих, включая российское руководство. Осознание невозможности скорого выхода из него заставило всерьёз задуматься о механизмах глобального управления. То, что 20 лет назад казалось второстепенным, сегодня стало важнейшим вопросом мировой повестки.

Группа 20-ти: политическое лидерство и конкретные шаги

На протяжении последних десятилетий сложились адекватные представления о соответствующих уровнях – локальном, национальном или глобальном, на которых желательны те или иные коллективные действия. Так, если выгоды от действий реализуются на локальном уровне (например, борьба с загрязнением окружающей среды), то эти действия должны осуществляться на локальном уровне. Если же блага от действий получают все граждане страны, действия должны предприниматься на национальном уровне.

Глобализация означает растущее признание того, что есть сферы, где требуются коллективные действия. В сегодняшнем мире к таким сферам помимо собственно мировой экономики и финансов различные наблюдатели относят примерно следующие:

- изменение климата;
- здравоохранение – борьба против эпидемий и пандемий;
- сохранение и соперничество за ресурсы пресной воды;
- гуманитарные катастрофы и локальные вооружённые конфликты;
- распространение ядерного и других видов оружия массового уничтожения;
- потенциальные геополитические конфликты, представляющие угрозу международному миру и стабильности (Иран – Израиль – Палестина, Северная Корея, Китай – Тайвань);
- исламский радикализм, терроризм, пиратство;
- «ресурсный национализм», исходящий, с точки зрения Запада, от таких стран, как Китай, Россия, Иран, Венесуэла, страны ОПЕК.

Наличие подобных сфер обуславливает важность *систем глобального управления*.

Поскольку далее речь пойдёт собственно о глобальном управлении, есть смысл определить данное понятие. *Глобальное управление – это политическое взаимодействие транснациональных субъектов, нацеленное на решение проблем, которые затрагивают более чем одно государство или регион, где отсутствует сила/возможность для реализации взаимоприемлемого решения.*

Будучи ответом на ускорение взаимозависимости между человеческими обществами, а также между человечеством и биосферой, глобальное управление является регулированием в глобальном масштабе. Последнее важно пояснить ещё раз, чтобы избежать искажённого толкования: *управление* не означает *правительство*. Управление, как указывает П. Лами – это процесс принятия решений, основанный на непрерывных переговорах, это заключение соглашений и установление верховенства права, зафиксированного в этих соглашениях. *Управление* предполагает не передачу политического суверенитета, а скорее организацию сотрудничества между существующими субъектами (государствами или иными образованиями) на базе согласованных правил. *Управление* приобретает форму институтов, генерирующих постоянный диалог и дискуссию как прелюдию к совместным действиям. *Управление* генерирует общие правила, в то время как *правительство* реализует политическую волю [17].

С учётом последнего *глобальное управление* может быть также определено как *комплекс формальных и неформальных институтов, механизмов, взаимоотношений между государствами, рынками, организациями (международными и неправительственными), через который формулируется коллективный интерес на глобальном уровне, устанавливаются права и обязанности, учитываются различия.*

Признание наличия сфер, где существуют коллективные интересы, шло параллельно с созданием *глобальных институтов*, нацеленных на возникающие в этих сферах проблемы. Выше уже было сказано о причинах создания ООН и Бреттон-Вудских институтов.

Хорошо ли функционировали в последние десятилетия МВФ, ВБ, ГАТТ/ВТО и насколько они справлялись с поставленными перед ними задачами? Рассмотрим, прежде всего, некоторые аспекты деятельности МВФ и ВБ (о ГАТТ/ВТО более подробно речь пойдёт ниже).

Начиная с 90-х годов XX века в адрес МВФ прозвучало немало критики. Особенно острой она была в связи с неспособностью Фонда предвидеть кризис 1998 г. в странах Юго-Восточной Азии и неудачными попытками справиться с этим кризисом.

Одна из проблем, обусловивших серьёзную критику в адрес МВФ состоит в доминировании внутри этого института одной определенной идеологии, которую некоторые экономисты называют «рыночным фундаментализмом». Так, лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц указывает, что МВФ придаёт статус установившихся доктринальных положений, мнениям, по которым нет широкого согласия в экономической науке [1, с. 255–256]. Действительно, например, по проблеме либерализации рынка капитала высказывается больше мнений «против», чем «за». Почти все экономисты считают, что гиперинфляция

разрушает любую экономику, однако не существует единого мнения относительно мер подавления инфляции. Более того, ряд экономистов настаивает на отрицательных последствиях чрезмерных усилий по борьбе с инфляцией.

Можно говорить и о существенных различиях в экономических укладах разных регионов, что также делает крайне рискованным применение одних и тех же рецептов МВФ. Например, если иметь в виду 90-е годы XX века – начало 2000-х годов, то компании латиноамериканских стран обычно имели тогда сравнительно небольшие долги, в то время как в Юго-Восточной Азии компании, наоборот, весьма активно использовали заёмные средства и, следовательно, имели серьёзную задолженность. В государствах Латинской Америки, где многие правительства выпустили госбюджеты из-под контроля, а слабая кредитно-денежная политика привела к бурной инфляции, идеи Вашингтонского консенсуса дали определённый позитивный эффект. Одним из положительных примеров экономических реформ с участием МВФ на основе этой концепции можно считать реформы в Бразилии в 90-х годах XX века. Однако страны ЮВА проигнорировали рецепты МВФ и добились впечатляющего роста.

Неудивительно в этой связи, что МВФ, по свидетельству того же Стиглица, фактически не заметил позитивного опыта государств этого региона, поскольку они не следовали политике Вашингтонского консенсуса [1, с. 257]. Это даёт повод ещё раз вернуться к затронутому выше вопросу отношения к глобализации. Существующее недовольство глобализацией во многих странах мира не является оппозицией глобализации как таковой, т.е. как источнику притока финансовых средств для обеспечения экономического роста или новым экспортным рынкам, – это оппозиция определённому пакету доктрин и, в частности, политике Вашингтонского консенсуса, которая, как показала история, применима далеко не везде.

Разразившийся в 2008 г. кризис показал, что международное сообщество не располагает эффективными методами регулирования финансовых рынков и координации экономической политики. Проблема несостоятельности (или их отсутствия) существующих регулирующих механизмов и институтов встала со всей остротой. Именно эти вопросы легли в основу повестки дня Группы двадцати, которая с осени 2008 г., в течение одного года, провела три встречи на высшем уровне, целиком посвящённые противодействию мировому кризису.

После последнего саммита «двадцатки» в Питтсбурге 24–25 сентября 2009 г. ни у кого не осталось сомнений в том, что отныне Группа двадцати становится основным экономическим форумом в мире. Именно на саммитах этой группы и встречах иного формата будут теперь рассматриваться самые актуальные и острые проблемы мировой экономики и приниматься соответствующие решения. Но почему именно «двадцатка»? Ведь до недавних пор непререкаемый авторитет удерживала «восьмёрка»?

На протяжении более трёх десятилетий первенство «семёрки», а затем «восьмёрки» в мировой экономике и политике никто даже не пытался поставить под сомнение. Ситуация стала меняться с конца прошлого века. На встречи «восьмёрки» стали приглашаться Китай и ряд других развивающихся стран, без участия которых уже невозможно принимать серьёзные экономические решения. Однако расширять формат «семёрки/восьмёрки» в пользу но-

вых участников не представлялось возможным по принципиальным историческим причинам. «Семёрка», как известно, была создана как клуб крупнейших экономически развитых демократических государств с целью неформального обсуждения мировых проблем. Китай и некоторые другие быстро развивающиеся страны, не отвечали критериям демократического государства в современном (западном) понимании данного термина, значит дорога в клуб избранных была заказана изначально.

В XXI веке расклад сил в мировой экономике изменился в пользу быстро растущих развивающихся стран – Китая, Индии, Бразилии, ни одна из которых не входит в «восьмёрку». Однако вес и значение этих государств в последнее время существенно увеличились не только благодаря росту их экономик и доли в мировой торговле. Именно развивающиеся страны становятся сегодня лидерами оживления мировой экономики в отличие от предшествующих кризисов. Это, как полагают некоторые мировые лидеры, даёт уникальный шанс добиться значительного успеха в мировом сотрудничестве, а применительно к нынешней ситуации – эффективно выйти из кризиса. При этом упомянутые государства не только отсутствуют в «восьмёрке», но и имеют явно дискриминационные позиции – и в МВФ, и во Всемирном банке доминирующее положение до последнего времени занимали крупные западные державы. Так, в уставном капитале МВФ на 2007 г. квота США составляла 17,1%, Евросоюза – 32,4%. Китай же при его нынешнем экономическом весе имел только 3,7%, а Индия – 1,9% [15]. Ситуация явно аномальная, из которой становится очевидно, что мировая институциональная архитектура завтрашнего дня должна иметь иную легитимность и эту новую легитимность пришлось создавать с самого высокого уровня.

Поиски формата не сразу привели к «двадцатке». Например, незадолго до вашингтонского саммита Группы двадцати в ноябре 2008 г. президент Всемирного банка Р. Зеллик выдвигал идею создания Группы четырнадцати путём добавления к существующей «восьмёрке» шести стран – Бразилии, Китая, Индии, Мексики, Саудовской Аравии и Южной Африки [16]. По мнению главы ВБ, клуб из двадцати государств мог бы стать слишком громоздким. Думается, что на самом деле предложение Зеллика было нацелено на недопущение утраты «семёркой/восьмёркой» доминирующего положения при расширении формата группы.

В итоге идея «двадцатки» одержала верх. Помимо того, что она исправила историческую несправедливость, включив тех, кто вполне заслуживает быть членом клуба, её формат разом устранил ограничения по критерию демократичности режима. В группу вошли различные с точки зрения внутреннего политического устройства страны: Австралия, Аргентина, Бразилия, Великобритания, Германия, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Южная Корея, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция, ЮАР, Япония, а также Евросоюз.

Выход на первый план «двадцатки» вместо «восьмёрки» – событие, безусловно, весьма значимое, если не сказать эпохальное. Похоже, что именно формат «двадцатки» наиболее удачным образом может представить сегодня интересы развивающихся стран в решении глобальных проблем. Такое мнение высказал, в частности, президент Бразилии Луис Инасио Лула да Силва в ходе саммита государств – членов группы в Питтсбурге в сентябре 2009 г. Если

формат «двадцатки» действительно устраивает как развитые страны Запада, так и передовые развивающиеся, то, возможно, он имеет шанс стать уникальным и дееспособным форумом в современном мире. Ибо до сих пор в рамках почти всех существующих глобальных организаций развивающиеся страны с большим трудом добивались понимания своих интересов у развитых, заявил он в интервью одному из телеканалов.

Выгоден ли такой переход авторитета и полномочий между мировыми институтами России? Ответ неоднозначен. Москва долгие годы, ещё с советских времён, добивалась членства в престижном клубе «семи». Молодая демократическая Россия была принята в «семёрку» с определённым авансом, так как изначальным критериям клуба она не отвечала. Не отвечает она им, впрочем, и сегодня. Быть членом узкого клуба, конечно, более престижно, но это не всегда комфортно, если в этом клубе далеко не по всем параметрам чувствуешь себя равным остальным. В «двадцатке» же подобных проблем у России не предвидится – соседи вокруг будут чем-то похожи, чем-то лучше, чем-то хуже. Такая обстановка больше располагает к конкретной работе.

Если подвести краткий итог состоявшимся трём встречам на высшем уровне в рамках Группы двадцати, – ноябрьской 2008 г. в Вашингтоне, апрельской 2009 г. в Лондоне и сентябрьской 2009 г. в Питтсбурге, – то это были не только слова, но и определённые дела. По всей видимости, скорость и глубина падения основных экономических показателей по всему миру во второй половине 2008 г. – первой половине 2009 г. явились достаточно мощным побудительным мотивом к действию для лидеров Группы двадцати. Стали выдвигаться весьма серьёзные инициативы. Так, в январе 2008 г. в рамках Давосского форума канцлер Германии Ангела Меркель выступила с идеей «новой хартии глобального экономического порядка», которая содержала бы основные принципы современной экономики. Такой документ, по её мнению, мог бы лечь в основу деятельности нового органа ООН – Экономического Совета, который следовало бы учредить по образу и подобию созданного после войны Совета Безопасности ООН [5]. Однако практического развития данная идея до сих пор не получила.

Согласование позиций между членами «двадцатки» по ключевым вопросам, таким как финансовое регулирование, реформирование МВФ и ВБ, борьба с торговым протекционизмом, потребовало серьёзных усилий и компромиссов. Так, перед Лондонским саммитом США столкнулись с довольно жёстким требованием ЕС покончить с тремя «чёрными дырами» мировых финансов – налоговыми «райскими уголками», хедж-фондами и выплатами завышенных бонусов топ-менеджерам крупнейших компаний. Европейский подход в общем одержал верх.

Саммит «двадцатки» в Питтсбурге в конце сентября 2009 г. принёс серию конкретных договорённостей. Чтобы обеспечить успешный выход из кризиса и не допускать ситуаций, чреватых новыми бедами для мировой экономики, участники встречи пришли к общему согласию о том, что экономика каждой из стран, входящих в «двадцатку», должна подвергаться анализу на предмет соответствия её экономической политики согласованным принципам. Среди этих принципов, в частности, снижение зависимости мировой экономики от американских потребителей, увеличение внутреннего спроса в Китае, сокра-

щение Соединёнными Штатами заимствований за рубежом, снижение барьеров для инвестиций в ЕС.

Безусловно, подобное согласование принципов экономической политики и решение следовать им в дальнейшем на национальном уровне можно считать неким «прорывом» в международном сотрудничестве, особенно в условиях продолжающегося экономического кризиса. Вопрос в том, будут ли на самом деле национальные правительства строить свою внутреннюю политику в соответствии с выработанными правилами «двадцатки»? Ответ «да» вовсе не очевиден, если вспомнить, с каким единодушием участники «двадцатки» в ходе двух предыдущих саммитов, в Вашингтоне и Лондоне, осуждали протекционизм, что не мешало им по возвращении домой заниматься возведением новых торговых барьеров под предлогом защиты своего производителя.

Успехом для развивающихся стран явилось решение о реформе квот в уставном капитале Международного валютного фонда. Как и ожидалось, в пользу развивающихся стран было решено передать 5% голосов, имеющихся у богатых стран. В наибольшем выигрыше окажется Китай. Аналогичная реформа ждёт и Всемирный банк, где потенциал голосования развивающихся и переходных стран решено увеличить на 3% [12]. Решено, наконец, отказаться от установившейся с момента образования этих институтов негласной, но прочной традиции назначать главой МВФ европейца (причём западного), а президентом ВБ американца. Однако усиление влияния развивающихся стран в МВФ и ВБ автоматически ведёт и к возрастанию их ответственности в этом важнейшем международном финансовом институте, что пока осознают не все члены «двадцатки».

Что касается бонусов руководителям финансовых компаний, они должны быть ограничены «соразмерно чистому банковскому доходу, когда они представляют угрозу здоровому уровню капитализации» Следить за выполнением данного решения поручено созданному Совету по финансовой стабильности (*Financial Stability Board*), в который включены ведущие развивающиеся страны [12].

В принятом в Питтсбурге итоговом совместном заявлении участники саммита вновь заявили о необходимости противодействовать протекционизму. Следует признать, что как раз в данной чрезвычайно важной сфере противодействия кризису успехи стран «двадцатки» до последнего времени оставались минимальными.

Ещё в начале 2009 г. Евросоюз, Китай и Япония категорически выступили против плана «Покупай американское», предложенного президентом Бараком Обамой, после чего Сенат США смягчил пункт, разрешавший при проведении строительных работ на деньги бюджета использовать только американские материалы. Недобрый пример нарушения единого рынка в ЕС подало французское руководство, выдвинувшее в качестве условия помощи своему автопрому предложение не переносить сборку за границу и закупать комплектующие во Франции, за что Прага тут же раскритиковала Париж.

О вреде протекционизма и необходимости решительных мер против него было немало сказано на Вашингтонском саммите в ноябре 2008 г. Однако с тех пор страны – члены «двадцатки» активно наращивали ограничительные меры, направленные на поддержку национального бизнеса в условиях кризиса. Так, по данным Центра по исследованию экономической политики (*Centre for Eco-*

nomic Policy Research – CEPR) на сентябрь 2009 г., лидером по количеству примененных в отношении страны дискриминационных мер (100 мер в 55 странах) являлся Китай. На втором месте – США (86), на третьем – Германия (84). Среди членов Группы двадцати 17 стран ввели ограничительные меры в торговле. Наиболее эффективные защитные меры предприняты именно Китаем – они затрагивают сразу 164 страны. Россия по этому показателю на шестом месте (угроза для 117 торговых партнёров). Правда, РФ признана абсолютным лидером по количеству «самых вредных» защитных мер – таковых принято около 20 (повышение импортных таможенных пошлин на телевизоры, отдельные виды проката, трубы из чёрных металлов, легковые автомобили).

Новым явлением в Европе стал финансовый протекционизм. В ходе нынешнего кризиса он проявился в том, что банки, базирующиеся в Западной Европе, стали выводить средства из стран Восточной Европы. От таких мер, в частности, пострадали Латвия и Сербия.

Торговые барьеры лишь создают видимость борьбы с кризисом, хотя на национальном уровне способны дать временный эффект. Но на глобальном уровне это верный способ продлить рецессию в мировой экономике. Тому есть яркие исторические примеры. Около 80 лет назад в США был принят так называемый акт Смута – Хоули о таможенном тарифе (*The Hawley–Smoot Tariff Act, 1930*). В соответствии с этим законом были подняты ставки пошлин примерно на 20 тыс. импортируемых товаров, что затронуло главным образом Европу. Ответная реакция не заставила себя ждать – европейцы дали симметричный ответ. Результатом для США стало примерно одинаковое обрушение как импорта, так и экспорта, что не могло не привести к масштабной потере рабочих мест. Резкое падение торгового оборота между США и Европой окончательно ввергло мировую экономику в «Великую депрессию». А спустя некоторое время торговые распри стали одной из причин Второй мировой войны.

Справедливости ради следует уточнить, что принятые государствами – членами ВТО после начала нынешнего кризиса протекционистские меры до сих пор не выходили за рамки допустимых по условиям их членства в этой организации уровней защиты. Это дало основание называть такие меры «мерами малой интенсивности» (*low intensity measures*). Согласно исследованиям ВТО, в случае если государства решатся повысить ставки импортных тарифов до максимального уровня, допустимого согласно условиям их членства в ВТО, это будет равносильно удвоению в среднем тарифных барьеров по всему миру, в результате чего мировое благосостояние снизится на 350 млрд. долл. И наоборот, в случае снижения тарифной защиты при успешном завершении переговоров Дохийского раунда, суммарный доход участников мировой торговли возрастет на 150 млрд. долл. К сожалению, согласно докладу независимой инициативной группы (*Global Trade Alert*), число дискриминационных торговых решений, принятых в ходе кризиса, до сих пор превышает число решений, направленных на либерализацию торговли, в соотношении 6:1. Воздействие кризиса на торговлю привело к существенному снижению её оборота в 2009 г. – примерно на 10% [10]. И в этой цифре есть немалый вклад торгового протекционизма.

В этой связи, согласно итоговому заявлению, участники саммита «двадцатки» в Питтсбурге обязались минимизировать возможные негативные воздействия внутренних мер на торговлю и инвестиции. А для обеспечения прозрачности этих обязательств члены «двадцатки» намерены представлять в ВТО нотификации о любых протекционистских действиях на национальном уровне. В этом плане отмечена важность совместного мониторинга протекционистских мер силами ОЭСР, ВТО, ЮНКТАД, МВФ и ООН.

Признавая относительный успех встречи «двадцатки» в Питтсбурге в сентябре 2009 г., необходимо вместе с тем отметить, что главным вопросом для её лидеров остается координация усилий по дальнейшему антикризисному стимулированию экономик с тем, чтобы подготовить и начать осуществлять стратегию выхода из антикризисных мер. Единый подход здесь вырабатывается с большими трудностями. Если, к примеру, участники «двадцатки» не смогут договориться о том, нужно ли продолжать скоординированную поддержку экономики, то, очевидно, это подтолкнёт ряд стран к сворачиванию стимулирующих антикризисных программ, в то время как остальные будут продолжать прежний антикризисный курс. В условиях глубокой взаимозависимости национальных экономик в современном мире возвращение к предкризисным уровням бюджетного дефицита и процентных ставок в одних странах способно оказать нежелательное воздействие на аналогичные финансовые показатели в тех странах, которые ещё не приступили к стратегии выхода из кризиса. Особенно ощутимым для них может оказаться ранний отказ от антикризисных мер в такой стране как США, – в этом случае не исключён новый виток кризиса. Однако и запоздалый выход из антикризисной стратегии тоже не сулит ничего хорошего – он может принести дополнительный рост госдолга и инфляцию, что опять-таки окажет неблагоприятное воздействие на другие страны. Вывод один: государства должны придерживаться координации действий пока последствия кризиса не будут существенным образом преодолены.

ВТО как элемент глобального управления

Уже неоднократно упоминалась выше Всемирная торговая организация. Автор полагает, что данному институту принадлежит особое место среди других известных мировых финансово-экономических институтов и что ВТО в большей мере, чем, к примеру, МВФ и Всемирный банк, приспособлена для нужд глобального управления. Поэтому вопрос о роли и места ВТО в глобальном управлении рассматривается в данной статье отдельно.

Сегодня ВТО – самая молодая в мире универсальная экономическая организация. Тем не менее, относительно неё как за рубежом, так и в нашей стране, существует огромное количество искажений, домыслов, мифов и просто враждебных эмоций. При этом многие забывают либо просто игнорируют тот факт, что ВТО представляет собой межправительственную организацию, в которую входят более 150 государств, действующих в соответствии с правилами, разработанными и принятыми на многостороннем уровне путём консенсуса. Следует напомнить, что в создании ВТО по итогам торговых переговоров Уругвайского раунда (1986–1994 гг.) участвовали более 120 государств, кото-

рые приняли и ратифицировали документы, являющиеся по сей день правовой базой ВТО. В истории международных отношений вряд ли найдётся другой подобный пример, когда бы при создании международной организации участвовало такое количество государств. Для сравнения – в Бреттон-Вудской конференции, учредившей МВФ и Всемирный банк, участвовало только 44 государства, т.е. ВТО обладает большей легитимностью, чем МВФ и ВБ.

Значение создания ВТО не ограничивается лишь фактом учреждения универсального института регулирования международной торговли. Результатом Уругвайского раунда явилось создание универсального механизма торговых переговоров на будущее, что уже подтвердила практика. Сегодня ВТО – одна из немногих международных организаций, которая действует на основе жёстко закреплённых правил. Как указывалось несколько лет назад в британской «Файнэншл таймс», многие члены ВТО считают её последней многосторонней структурой, решения которой ещё соглашаются выполнять США [4]. В опубликованном в 2005 г. по случаю 10-летия ВТО докладе «Будущее ВТО», который был подготовлен группой всемирно известных экономистов по председательством Питера Сазерленда, в частности, было отмечено: «ВТО представляет единственный многосторонний институт, полностью предназначенный для нужд независимой глобальной экономики» [7].

Сказанное отнюдь не призвано скрыть проблемы ВТО. Недостатки правового пакета ВТО известны – это его несбалансированность по линии «Север – Юг». По результатам переговоров Уругвайского раунда за развитыми странами закреплены очевидные преимущества. Наиболее ярко это проявилось в сфере сельского хозяйства, где применение субсидий развитыми странами фактически не позволяет производителям из бедных стран выйти на мировые рынки. Тарифная эскалация (то есть повышение уровня таможенной пошлины по мере повышения степени обработки товара) в сферах торговли текстилем, продукцией сельского хозяйства в ЕС и США является серьёзным препятствием для развивающихся стран, пытающихся экспортировать соответствующую готовую продукцию. В этом состоит одна из ключевых проблем кризиса нынешних переговоров внутри ВТО в рамках Дохийского раунда.

В чём же конкретно заключаются достоинства и достижения ВТО? Прежде всего они состоят в том, что ВТО, как и её предшественник ГАТТ, была создана на принципах недискриминации, сформулированных в начале 40-х годов XX века и воплощённых в режиме наибольшего благоприятствования (РНБ) и национальном режиме.

После подписания ГАТТ в 1947 г. было проведено восемь раундов многосторонних торговых переговоров. За этот период (1947–1993 гг.) число их участников возросло с 23 до 120. Важнейшим практическим итогом этих раундов было существенное снижение тарифных барьеров в торговле товарами: по завершении восьмого (Уругвайского) раунда средний уровень импортных таможенных пошлин на промышленные товары сократился примерно с 40% до примерно 4%. Это явилось мощным стимулом роста мировой торговли в послевоенный период – её объём увеличился почти в 20 раз. В ходе этих переговоров, особенно в 1960-х – 1980-х годах при выработке первых соглашений о правилах торговли в странах-участницах начался процесс адаптации национальных законодательств

в части торговой политики к международным нормам. Стыковка национальных законодательств в торгово-политической сфере имела огромное значение для набиравшего силу процесса глобализации экономики.

Таким образом, последовательные переговоры на основе принципов недискриминации обеспечили поэтапное снижение торговых барьеров, что способствовало развитию экономик всех участников процесса и в итоге росту общего благосостояния. В историческом смысле это можно считать первым достоинством ГАТТ/ВТО. Второе непосредственно связано с первым и состоит в последовательном создании правил для торговли. Третье заключается в транспарентности процесса переговоров (на отдельных этапах развития во времена ГАТТ в адрес системы высказывалось немало критики в связи с недостаточной открытостью при подготовке решений; в дальнейшем ВТО избавилась от этого недостатка). Четвёртое достоинство – это система мониторинга торгово-политического режима, которая, кстати, оказалась весьма востребованной в условиях кризиса (мониторинг протекционистских мер). Наконец, пятое (но не последнее) достоинство – это механизм разрешения споров между участниками (*Dispute settlement mechanism*). Именно наличие этого уникального механизма в значительной мере способствовало созданию авторитета ВТО как эффективной организации, действующей на основе правил и способной обеспечивать урегулирование споров. Об эффективности данного механизма говорит тот факт, что с момента начала функционирования ВТО по настоящее время было рассмотрено около 400 спорных и конфликтных ситуаций, которые возникали как между крупными, так и небольшими странами-членами. Характерно, что благодаря действию этой системы многие развивающиеся государства сумели добиться удовлетворения своих претензий к развитым странам. Даже критики ВТО признают эффективность механизма урегулирования споров в ВТО.

Тот факт, что ВТО была создана и начала действовать на этапе подъёма глобализационных процессов, обусловил формирование полярно противоположных отношений к ней. Для противников глобализации – антиглобалистов – ВТО с самого начала стала главной мишенью для нападок. Сторонники либеральных рыночных подходов и глобализации, наоборот, хотят увеличения объёма полномочий ВТО и усиления её роли. Вопрос о роли и месте ВТО в будущем остаётся актуальнейшим вопросом мировой экономики.

К началу XXI века в многосторонних торговых переговорах фактически сформировались две конкурирующие между собой повестки дня: старая и новая. Старая повестка, касавшаяся в первую очередь и в основном либерализации торговли, концентрировала внимание на том, что торговые барьеры сопряжены с неоправданными высокими затратами и, как таковые, наносят ущерб и отдельным производителям, и экономическому росту в целом. Для решения этой проблемы важнейшую роль сыграло ГАТТ (все переговорные раунды до Уругвайского). По мнению большинства развитых стран, эта повестка в основном выполнена. Для большинства развивающихся стран, напротив, эта повестка и вытекающая из неё программа действий по-прежнему оставалась актуальной и в начале третьего тысячелетия. Ибо их в первую очередь волнуют вопросы тарифов, субсидий, антидемпинга.

Для развитых же стран сегодня актуальна уже другая повестка дня и другая программа действий. По существу, речь идёт о создании новых правил в торговле, а именно: соглашений о защите инвестиций (в первую очередь о защите иностранных инвестиций за границей), о законах конкуренции и практике их применения, о содействии торговле, о гласности и прозрачности при осуществлении правительственных закупок. Именно эти вопросы приобретают для развитых стран принципиальное значение.

Однако ни один из четырёх вопросов не связан напрямую с либерализацией. Акцент почти полностью переносится на соблюдение правил игры. Более того, зачастую подразумевается даже не устранение барьеров, а наоборот, их создание. Так происходит, к примеру, когда речь идёт о конкурентном праве – внимание фактически сосредоточивается на эффективности экономической системы. Почти то же самое имеется в виду, когда говорится о содействии торговле, – речь идёт не о либерализации, а об эффективности.

Разумеется, проблема роли и места ВТО в будущем не сводится к спорам сторонников старой и новой повестки дня. К примеру, самые непримиримые критики организации требуют её ликвидации. Умеренные критики согласны на урезание её полномочий. Другие, как отмечалось, наоборот, выступают за расширение её влияния. Если бы члены ВТО смогли, полагают они, выработать соглашения в новых сферах, подписав важные многосторонние документы по вопросам инвестирования и конкуренции, роль этой организации в мировых делах, несомненно, возросла бы, как это уже произошло в недавнем прошлом при трансформации ГАТТ в ВТО.

Если более детально рассмотреть различные подходы к вопросу о полномочиях ВТО, то, по мнению одних, многосторонняя торговая система не должна регулировать такие неторговые вопросы, как трудовые стандарты, права человека, охрана окружающей среды и пр. Включение подобным тем в сферу юрисдикции ВТО, согласно данной точке зрения, создаст излишнее напряжение внутри системы и может вызвать дополнительные риски. Поэтому, считают сторонники данного подхода, эти проблемы логичнее адресовать другим существующим институтам. И в этом случае ВТО могла бы ещё эффективнее сосредоточиться на тех непростых вопросах торговой политики, которые находятся в её повестке после Уругвайского раунда.

Противоположный подход состоит в том, что ВТО могла бы заполнить, хотя бы частично, пробелы в глобальном управлении. Доводы сторонников такого подхода сводятся к тому, что нынешняя в целом эффективная, основанная на правилах многосторонняя торговая система в виде ВТО необходима для управления глобальным рынком. Но торговая система не может стабильно функционировать, не имея рычагов воздействия на такие сферы, как защита окружающей среды, соблюдение трудовых стандартов и прав человека, которые являются предметом международных дискуссий и которые подвержены прямому воздействию самой торговли и её правил. Сторонники таких взглядов полагают, что ВТО непременно должна затрагивать социально-экономические темы в будущих переговорах по либерализации торговли, добиваясь включения соответствующих положений в правила торговли.

К сожалению, разрешить подобные споры сторонников и противников расширения полномочий ВТО крайне сложно. С учётом активизации деятельности Группы двадцати в ходе нынешнего кризиса представляется, что именно в рамках «двадцатки» было бы целесообразно в обозримом будущем рассмотреть проблему полномочий ВТО. Принимая во внимание специфику вопросов, находящихся в её поле зрения, в целях более продуктивного решения проблемы можно было бы, по мнению автора, вернуться к уже опробованному в 1980-е годы опыту создания группы известных экспертов, обладающих необходимым глубоким пониманием многосторонней торговой системы, которая занялась бы, вне контекста текущих переговоров, выработкой наиболее важных и насущных направлений деятельности ВТО на будущее и путей реализации своих предложений.

Подобная группа была создана лишь однажды – это группа Льютуилера (*The Leutwiler Group*), которая выполнила важную миссию по подготовке переговоров Уругвайского раунда. Итогом её деятельности был доклад «Торговая политика для лучшего будущего; предложения действовать» [14]. В 2001 г. тогдашний генеральный директор ВТО С. Паничпаки при вступлении в должность заявил о намерении вновь учредить подобную группу примерно с теми же задачами [13]. Однако тогда эта инициатива должного развития не получила. В настоящее время, в обстановке мирового кризиса и поисков возможностей создания системы глобального управления, в которой для ВТО предопределено немаловажное место, возвращение к подобной инициативе безусловно является актуальным.

Заключение

Выше была отмечена важность опыта европейской интеграции для построения системы глобального управления. Будучи глубоко убеждённым в ценности этого опыта, автор хотел бы вкратце перечислить несколько уроков европейской интеграции, значимых для глобального управления завтрашнего дня.

Первый урок состоит в важности верховенства закона о выполнении взятых сторонами обязательств. Система глобального управления должна быть прочно привязана к обязательствам участников. Данный принцип лежит в основе проверенной 60-летним опытом многосторонней торговой системы. Тот же принцип государства уже используют в текущих переговорах по нераспространению ядерного оружия и стремятся использовать в создаваемой системе контроля за изменением климата и других сферах.

Второй урок заключается в уважении принципа субсидиарности, который исторически проверен и прочно укоренён в Евросоюзе. Важность принципа субсидиарности, согласно которому задачи должны решаться на возможно более низком, удалённом от центра уровне, на котором их решение возможно и эффективно, подчёркнута в одной из энциклик папы Бенедикта XVI, выпущенной в июле 2009 г. Управление глобализацией, сказано, в частности в документе, должно содержать в себе субсидиарность [6]. Это означает, что международная система как институт глобального управления не должна быть перегружена вопросами, которые успешнее могут быть решены на национальном, региональном или местном уровнях.

Третий урок. Легитимность решения возрастает, если международная проблема становится частью национальных дебатов. Последний пример из жизни ЕС – трудный путь Лиссабонского договора, одобрение которого вызвало острейшие дискуссии в ряде стран Евросоюза. В ВТО для обеспечения подлинной легитимности решения недостаточно его одобрения представителями правительств путём консенсуса – необходимо, чтобы проблема обсуждалась на национальном уровне каждой страны – члена организации.

Мировой экономический кризис ускорил формирование новой архитектуры глобального управления. В настоящий момент его формирующаяся система выглядит как треугольник. Одна его сторона – Группа двадцати, которая осуществляет политическое лидерство и выбор направлений для согласованных действий. Вторая – международные организации, действующие в определённых сферах, и руководствующиеся собственными правилами. В случае глобального экономического управления это в первую очередь ВТО, МВФ, ВБ. Третья сторона треугольника – это ООН или Группа 192-х, являющаяся высшим ответственным форумом.

Возможно, описанный треугольник со временем сможет трансформироваться в некую более строгую модель глобального управления, в которой между ООН как высшей инстанцией, с одной стороны, и Группой двадцати и международными организациями – с другой, сложится некая новая структура взаимодействия. Разумеется, это потребует осмысления нового свода принципов, о чём уже было упомянуто выше в связи с инициативой Ангелы Меркель о «новой хартии глобального экономического порядка».

Список литературы

1. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные сигналы. М.: Мысль. 2003. 300 с.
2. Anatomy of So-Called «Deglobalisation» // Economist. 19.02.2009.
3. *Bello W.* Deglobalisation. Ideas for a New World Economy. p.
4. *Bettit A.* Weight of Expectation Buries Deal // Financial Times. 25.07.2006.
5. *Dougerhty C.* German Leader Calls for «Global Economic Charter» // New York Times. 30.01.2009.
6. Encyclical Letter of Pope Benedict XVI «Caritas in Veritate» (http://www.vatican.va/holy_father/benedict_xvi/encyclical/documents/hf_ben-xvi_enc_2009069_caritas-in-veriate_en/html).
7. The Future of WTO. Addressing Institutional Challenges in the New Millennium. Report by the Consultative Board of the Director-General Supachai Panitchpakdi. World Trade Organization. 2004.
8. Global Trade Alert. Report by WTO (www.globaltradealert.org).
9. *Kissinger H.* The World Must Forge a New Order or Retreat to Chaos // Independent. 20.01.2009.
10. *Lamy P.* Le G20 doit maintenant «tenir ses promesses» sur le Programme de Doha. Discours à l'ouverture de l'OMC. Geneva. 28.09.2009.
11. *Lamy P.* Need for Right Global Governance to Meet Global Challenges (http://www.wto.org/English/news_e/sppl1142_e.htm). 09.11.2009.
12. Leaders' Statements. The Pittsburgh Summit. 24–25.09.2009.
13. Options for WTO Reform (http://update.unu.edu/draft/archive/issue9_4.htm)/
14. Trade Policy for a Better Future. Proposals for Action. Geneva. GATT Secretariat. 1985.
15. Wikipedia (<http://ru.wikipedia.org/wiki/IMF>).
16. *Wolf M.* We Agreeing a New Bretton-Woods is Vital // Financial Times. 11.04.2008.
17. The WTO and Global Governance / Ed. by G. Sampson. Tokyo – New York – Paris: United Nations University Press, 2008.